

Самарская областная писательская организация
представляет в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Юрий Сизов

Автопортрет

Избранная лирика

Русское эхо
2021

*Самарская областная писательская организация
благодарит за спонсорскую помощь
в издании данной книги
компанию «ДВК»
в лице Мульи Дмитрия Николаевича
и Папкова Вадима Владимировича,
а также компанию «Ростекс»*

Сизов Ю.А.

С 34 Автопортрет: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2021. — 192 с.

ISBN 978-5-9938-0025-7

Юрий Александрович Сизов — член Союза писателей России с 1999 года. автор пяти поэтических сборников. В настоящую книгу вошли лучшие произведения Юрия Сизова, отобранные из различных поэтических подборок, опубликованных в литературных журналах России за последние время. Дважды его подборки по итогам года становились лауреатами журнала «Русское эхо».

Книга «Автопортрет» издаётся в серии «Народная библиотека Самарской губернии» по результатам конкурсного отбора, проводившегося в 2020 году Самарской областной писательской организацией.

ISBN 978-5-9938-0025-7

© Сизов Ю.А., 2021
© Русское эхо, 2021

От среды до воскресенья

Мне кажется, творчество Юрия Сизова очень точно отражает состояние современного человека. Впрочем с оговоркой: человека ищущего, человека, жаждущего правды. У многих это стремление к поиску правды подавили заботы века сего, многие ищут скорее земного, материального, и суэта часто закручивает так, что глаза поднять нам уже некогда, да и сил уже, кажется, нет...

Но вот есть люди, которые из этой суеты пытаются вырваться. Только сегодня, как мне кажется, поиски истины имеют свои особенности. Конечно, как и во все времена, выбираться из мира непросто. С этого, собственно, и начинается книга Юрия Сизова:

*Пройду сквозь топь,
Пройду заслон валежника...*

Действительно: путь тернист, но жаждущие и ищущие правды её обрящут. И вот уже мирская пелена постепенно опадает и просыпается внутри человека то, что способно различать красоту.

*Моя душа мудрее стала.
Воспрянув будто ото сна,
Я понял: красота кристалла
В огранке мастера видна.*

Конечно, понять высшую красоту легче, переживая красоту земную. О любви у Юрия Сизова много хоро-

ших стихотворений, которые как раз помогают осознать призрачность материального и предвосхищают дальнейший путь:

*Затихает к вечеру ненастье!
Роща оголённая светла,
Отчего так хочется участия?
Отчего так хочется тепла?*

*Протяни ко мне свои ладони!
Двигаются тени по стене,
За окном колючий ветер стонет
И качает звёзды в вышине.*

*И горюет об ушедшем лете,
Что такого совершилось в нём?
Я живу на этом белом свете,
Потому что ты живёшь на нём.*

И вот тут-то через любовь земную приходит осознание вышнего, которое даруется человеку именно за его стремление к поиску истины и красоты:

*Событий хрустальная нить
И встреча с Творцом неизбежна,
И хочется снова любить,
И думать о царствии вечном.*

Это чудесный миг прозрения, открытия, но для нынешнего человека это действительно лишь миг! Правда трудно сказать, сколько этот миг длится. У Бога времени нет, и каждый переживает его по-разному. Но современный человек, и в этом как раз, мне кажется, и есть его особенность, редко удерживается в этом миге. Почему? Потому что его не отпускают боль и страдания, творящи-

еся на земле. Да, хочется любить и думать и о царствии вечном, но вокруг поруганная Отчизна, покалеченные людские судьбы, мир, лежащий во зле. И вопиет современный человек: Господи, если Ты есть, то где Ты?! Если Ты Любовь, то неужели и это Любовь?! И как можно

*Забывать убогое житьё
И всё, что пролетело мимо,
Отдать чужое и своё
И полюбить, что не любимо.*

Вот что ставит современного человека в тупик. Он старается, хочет полюбить, стремится — порой до отчаяния... И всё, казалось бы, разумно и правильно, но всего лишь разумно, потому что полюбить можно только сердцем. Разум всё равно не отпускает, привязывает к обыденной жизни. А сердце открывает только Бог.

Так что мы пока где-то на середине пути. Впрочем мы на пути, а в этом и есть наша надежда.

*Моя душа на привязи живёт,
Жуёт и пьёт, и тянет лямку жизни,
И слышит голос ветреных высот,
И слышит плач об умершей Отчизне.*

*Она живёт среди большой беды,
Врагам её ухватистым переча,
И доживёт, быть может, до среды,
А там до воскресенья недалеко.*

Александр Громов,
член Союза писателей России

Стриж

Пройду сквозь топь,
Пройду заслон валежника,
Прилягу на пригорке на траву.
Нарву охапку голубых подснежников,
Вспугну ночную чуткую сову.

И разомлею на поляне, где ещё
Мне будет так спокойно и легко,
И стриж промчится на полёте бреющем,
И треснет гром, как ветка, далеко.

Золотой листопад

Заиграет гармошка —
Весёлые бусинки клавиш
Засверкают на солнце,
Закружится вальс во дворе.
Во дворе листопад...
Ты причёску легонько поправишь
И уйдёшь...
Улетишь
И растаешь в холодной заре.

И уйдёшь,
Улетишь,
Растворишься в рассветном тумане,
Всё бывшее забыв,
И уже никогда не придёшь
В нашей юности двор,
Где, на цыпочки если привстанешь,
То увидишь колодца небесного синий простор.

Ты ещё не ушла,
Но уже улыбнулась нездешне,
И напрасны слова,
И напрасно гармошка грустит.
Для меня одного
Будет зреть под окошком черешня,
Для меня одного
Золотой листопад шелестит.

В потоках светлых

В потоках светлых слёз
Земли и неба
Уходят выше журавли
От поля, хлеба.

От хляби водной, тьмы и сна
В простор хрустальный
Душа моя увлечена
В полёт печальный.

О, эти солнечные дни
Прощанья с летом,
Теплом наполнены они,
Прозрачным светом.

И в наших душах огневой
Поток струится.
И пламень бытия живой
Пронзает лица.

Автопортрет

Я стал писать автопортрет,
Роняя краски на паркет.
Вгляделся я в лицо своё
И ужаснулся: не моё!

Лицо ханжи, лицо лгуна.
Быть может, яркая луна
Добавила коварный свет
В законченный автопортрет?

И, исказив мои черты,
Она смеялась: это ты...
Я кисти взял и начал бой
С самим собой,
С самим собой...

Прощание всерьёз

Над бездной голубой
Горят созвездий свечи
И море тишины...
Прижмись ко мне плечом...
Запомни этот миг —
И задрожали плечи.
К чему теперь слова,
И говорить о чём.

В мерцании ночном
Зачем ты плачешь горько,
Судьбу не изменить —
Зачем же столько слёз...
В запястье руку сжав,
Я улыбнусь и только,
Обиды все затмит
Прощание всерьёз.

И вот запел гудок:
Судьбу нельзя предвидеть —
Не проще ли любить
Деревья и цветы,
Я не хотел тебя,
Любимая, обидеть...
Но тронулся вагон —
Меня не слышишь ты.

Твоё дыхание

Твоё письмо — листки бумаги серой —
Они хранят давно ушедший миг,
Но почему с надеждою и верой
Я снова перечитываю их?

И странное судёб существование
В ином каком-то мире неземном...
Так явственно, что чудится дыхание,
Твоё дыхание на плече моём.

Гость

Замолчу, затихну, затоскую.
Знаю, невесёлый будет срок.
Набросает хвою золотую
Ветер на кладбищенский песок.

И замрёт, а серенькая птаха
Станет петь и душу бередить.
Осень, неудачливая сваха,
Примется на листьях ворожить.

Будет ворошить житьё былое,
Ей-то что, ей прошлого не жаль...
Всё смешает — доброе и злое
и сотрёт — и радость и печаль.

А зимой примчится заяц белый,
Затаится, сядет у куста.
Угостить бы гостя — что за дело,
Да моя котомочка пуста.

Встреча

Что ж ты медлишь — руками всплесни,
Улыбнись и заплачь — я не знаю.
Я вернулся, мы снова одни.
Путь закончен, и день догорает.

Ты стоишь на крыльце у дверей
Опустив свои тонкие руки.
Как жестоки укоры людей,
Нескончаемы годы разлуки.

Пусть исполнится их приговор.
Невесёлая встреча какая!
Сколько дней пролетело с тех пор...
Но не ты здесь живёшь, а другая.

Но не ты здесь живёшь и не я,
И не наш этот дворик с ветлою,
Как похожа она на тебя,
Вот взмахнула кому-то рукою.

Для неё человек я чужой —
С непонятной и странной судьбою...
И она не поплачет со мной,
И дверей мне она не откроет.

Волшебная свирель зимы

Нужна ли правда? Вот благая мысль.
Правдоискательство — пустая канитель?
Твой город захватила стая крыс,
Изломана волшебная свирель.
Твои колодцы были глубоки —
Ведро, как в вечность, падало, звеня,
И весело скрипели ветряки,
От разграбления родину храня.

Но высохли колодцы до глубин,
И мельничные встали жернова,
Забыта честь, достоинство седин,
И обмельчали души и слова.
Вожди слепых слепыми родились,
Не будит спящих колокольный звон.
И пол-России от тоски спились,
А половине снится мрачный сон.

И в доме ни иконы, ни свечи.
В крошечной тьме весь век блуждаем мы...
Но слышу я сквозь выюгу там, в ночи:
Волшебная звенит свирель зимы.
Храбрец, не выпускай свирель из рук:
Лады её певучие хрупки...
Пусть вновь колодезный наполнят сруб
Подземных речек ручейки.

И вспыхнет синевою небосвод,
Проклюнется зелёный клейкий лист,
И стаи крыс уйдут в пучину вод,
И станет город солнечен и чист...
И станет город солнечен и чист.

* * *

В глазах сверкает жизни влага,
И плещется вино.
Строка ложится на бумагу,
А кисть — на полотно,

И ветер беспечальный шепчет
О том, что будет там...
И холод вечной ночи крепче
Сжимает души нам.

Безумные смолкают речи,
Стихает крик.
Зачем же мы себя калечим —
И близких, и других...

* * *

Я звезде роковой служу
И дорогу топчу земную,
И по краю судьбы хожу,
И ревную тебя, ревную.

Раскричались под утро грачи,
Словно требуя с кем-то расплаты,
Подо льдом зазвенели ручьи,
Стылых плит разрезая латы.

Перемешана память с тоской,
Мастерицей вытягивать жилы, —
Я забуду о женщине той,
Что когда-то меня любила.

Прошлой жизни разброд и тщета
Будет мучить и сниться под утро,
Но однажды сотрёт суета
Эту память и сделает мудро.

* * *

Люблю в вечерний час отлёта,
Когда курлычут журавли,
Стоять у топкого болота
На мокром краешке земли.

Следить, как гаснут листья в травах
Среди овражистых стремнин.
Пустынно в сумрачных дубравах,
И влагой тянет из низин.

.....
Пора домой — вдоль перелеска
Иду тропой на сеновал,
Чтоб отыскать сухое место,
Где косы, грабли — всё в навал.

От леса тонко пахнет мятой,
А в доме щи и дух грибной...
И пёс весёлый и лохматый
Опять увяжется за мной.

И жизнь как будто бы в начале,
Или в конце, нельзя понять...
Темнеет, звёзды заблистали!
В душе покой и благодать.

* * *

Листьев трогает кайму
Месяц рогом.
Может быть, возьму суму
И в дорогу.

Стихнет ветер у плетня,
Вспомню снова:
Дед причёсывал коня
Вороного.

Гнутся ветви бузины,
Гаснут листья.
Рвём, не чувствуя вины,
Ягод кисти.

Брызжет в звёздное стекло
Свет из рая...
И поэтому светло:
Степь без края.

Не уходи

Осенний лес костром горит —
Крылат и светел.
Хочу догнать, договорить —
Тебе ответить.

Полей озимых малахит
Сияет нежно,
Зима закружит, налетит
Метелью снежной.

Остановись в тиши, постой
В пустынных скверах,
Наполненных сухой листвой,
Тоской и верой.

Я вижу свет, небесный край,
Смежая веки.
Не уходи, не забывай,
Прощай навеки...

* * *

В шёпоте осени,
В шелесте листьев
Носятся звуки
Неясные, вечные,
Слышатся ветра
Крылатого свисты —
То печального,
То беспечного.

Чтоб не нарушить
Покоя и грации,
Иду осторожно,
А сам всё слушаю
И шёпот осени,
И шум акации,
И чью-то бездонную,
Вечную душу.

Письмена

Теперь мы тянемся к простому:
К садам, наполненным весной,
К околице, родному дому,
Где пахнет ягодой лесной.

Кудахчет кур большая свита,
И синь небесная с утра.
Кора берёзы будто свиток
Из голубого серебра.

Сплошные росчерки и точки —
Природы вечной письма...
И тайна скрыта в каждой строчке,
И имена... и имена...

И жить в лесу

Стоим под ёлкой, словно под навесом,
Здесь сумрачно и вечером, и днём,
А сверху белка смотрит с интересом
И думает: когда же мы уйдём?

Паук-злодей свою развесил сеть —
Всем беззаботным горькая наука,
В тенистой чаще прячется медведь
И двигается медленно без звука.

Снисходит в души тишь и благодать,
И уходить бы никуда не надо...
И в телогрейке старой щеголять,
И жить в лесу, где осень и прохлада.

* * *

Природы ветреная сила
Сожгла равнинные края...
А мне сегодня снова снилась
Шальная молодость моя.

И дождь, и грустный гомон сада,
Рябины огненная кисть,
А мне всего бы крикнуть надо:
Не уходи, остановись!

Но день земной не долговечен,
Вот ты и я, и дальний гром...
Травой и солнцем пахнут плечи —
Ещё слезами и дождём...

* * *

Плен миражей — мучительная тягость,
И с каждым часом чувствуешь острее
Солёность слёз и сладость поздних ягод,
И жизнь с годами проще и мудрей.

Но мы с тобой счастливее не стали:
Венок надежд, желаний и страстей
Впечатал в лица лепестки печали,
Впечатал в души зарево огней.

И не отыщешь верного ответа,
И невозможно до конца понять:
В чём песни смысл, когда она пропета,
И надо ли другую начинать?

* * *

Меня знобит, и ветер злей и злей,
Как будто в доме двери нараспашку,
Неси скорей из шкафчика рубашку,
Для обогрева рюмочку налей.

Увидев дно небесного колодца,
Я очарован. Среди звёздных нив
Охотник-время медленно крадётся,
Ружьё годами грусти зарядив.

И вьюге звёздной в тишине внимая,
Грядущих дат мне видятся межи —
Я в этот час яснее понимаю
Язык зверей, деревьев и души.

Небытие

Распался мир — ни всполоха, ни звука.
Я, как глухой, читаю по губам,
Всё понимать — жестокая наука
И доверять лишь искренним словам.

Всё изменилось, как в калейдоскопе,
Узоров лживых развернулась грань —
Ты улетишь сейчас на самолёте,
И поцелуй воздушный словно дань.

А на другом ночном аэродроме
Он ждёт тебя с цветами и вином...
А я сижу в тяжёлой полудрёме,
Раздавленный твоим небытием.

Слово

Мертвит и оживляет снова —
Не догляди, и птицей улетит —
Никем ещё не сказанное слово,
А тронешь чуть — оно уже болит.

Оно во мне зерном неспешно зреет
И, пробивая отчуждения лёд,
Своим дыханьем ближнего согреет,
И от беды нагрянувшей спасёт.

Но горе всем, играющим словами,
Не лучше ли молчание хранить?
И буйными склонившись головами,
У царских врат прощения просить.

Возвращение

Полыни горький аромат,
Сердитый шмель — я снова еду
В ту деревеньку в гости к деду
Где сосны на ветру гудят.

Фуражку помню со звездой,
Корзинку для лесной клубники,
Но чаще гроздь земляники
Он нам с покоса нёс домой.

Военного сукна покрой,
Фуфайка, нож за голенищем...
А на заброшенном кладбище
Всё отрезвляющий покой.

Черёмуха цветёт и тут —
Среди могил и бурелома,
Я подойду к его кресту
И вдруг пойму: вот я и дома.

Где же край у земли?

Счастья я не искал:
На земле не бывает покоя.
Я хотел разузнать,
Утомившись от громких речей,
Где же край у земли?
И какого планета покроя,
И куда утекает
Времён говорливый ручей?

Где же край у земли?
Походил, побродил, пообъездил,
Ничего не нашёл,
Лишь прозрачные блики зари.
Где же край у земли?
Может быть, у далёких созвездий,
Где кончается всё,
Кроме Веры, Надежды, Любви.

* * *

Всего лишь был ветер
И лист осыпался,
Но солнечный мир голубой
Погибели близкой своей опасался,
А мы целовались с тобой.

И мрак надвигался, и птица не пела,
Во тьме притаилось зверьё,
Дрожало упругое гибкое тело,
Почти обнажившись, твоё.

Под нами шуршали опавшие листья
И мёртвые стебли травы:
Ни вздоха, ни чувства, ни слова, ни мысли —
Возможно, мы тоже мертвы.

Над нами вечерние звёзды кружили,
Заря догорела во мгле,
И мне показалось, когда-то мы жили
С тобою на этой земле.

Апостолы

*...ибо говорю вам,
что Бог может из камней сих
воздвигнуть детей Аврааму.*

Матф. 3:9.

Мертвы, померкли наши взоры.
Во власти миражей и снов.
Мы камни бездны, из которых
Бог сотворит себе сынов.

Словами проповеди кроткой
Он в сердце каждого войдёт.
Рыбак всё бросит: сеть и лодку —
И мир с молитвой обойдёт.

И даже до кончины горькой
Он будет проповедь нести,
Терпеть гонения, чтоб только
Однажды грешника спасти.

Земная любовь

Окончен драмы первый акт.
Твоей упрямостью измучен,
Снимаю с вешалки пиджак
И ухожу. Маршрут изучен.

Вот так всегда, но решено:
Сегодня я не возвращаюсь...
Во мраке светится окно —
Оно меня опять прощает.

Нам трудно вместе,
Врозь трудней —
Любовь бывает и такая,
А впрочем, что такого в ней —
Обыкновенная, земная.

Язык дождей

Язык дождей и листопада
И я когда-то понимал.
И слушал музыку распада,
И звукам осени внимал...

Но уходящих дней прохлада
Сердечный остудила пыл.
Язык дождей и листопада,
Казалось мне, я позабыл.

И замолчал, сжимая зубы,
Я видел ложь и видел тлен,
Грубел и становился грубым,
От одиночества немел.

И душу выел сумрак серый,
И ослепил пожаров дым,
И выживал я только верой
И словом истины простым.

И если, обессилив, падал,
Всем бедам восставал назло...
Но время полного распада
Меня и мучило, и жгло...

* * *

Меня судьба кнутом хлестала:
Я неумерен был. Душа
Границ ни в чём не признавала,
Всё на своём пути круша.

Но нет свободы без границы,
Как моря нет без берегов, —
Однажды мне пришлось смириться.
Что делать, если мир таков?

С тех пор душа мудрее стала.
Воспрянув будто ото сна,
Я понял: красота кристалла
В огранке мастера видна.

* * *

Затихает к вечеру ненастье!
Роща оголённая светла,
Отчего так хочется участия?
Отчего так хочется тепла?

Протяни ко мне свои ладони!
Двигаются тени по стене,
За окном колючий ветер стонет
И качает звёзды в вышине.

И горюет об ушедшем лете,
Что такого совершилось в нём?
Я живу на этом белом свете,
Потому что ты живёшь на нём.

Баллада о времени

Как тихо в городке,
Как вечер летний ярок,
Мы снова пьём вино —
Ушедших вёсен бред.
Я помню город тот.
Был день беспечен, жарок,
И плавал сизый дым
От наших сигарет.

И гулкий звон стоял
Над травяным покоем,
И костерок дымил,
От комаров храня.
И если падал я,
То небо голубое
Мгновенно мчалось вниз,
Из бездны на меня.

Стеклянный зоркий глаз
И крылышко резное —
Большая стрекоза
Из тонкого стекла
Изящно и легко
Скользила над рекою,
Она средь камышей
И заводов жила.

И грустно пела нам
Гармошка с бубенцами,
Таких уже теперь
Нарочно не найдёшь.
А в кухонном шкафу,
Где банка с леденцами,
Хранился снимок твой
И перочинный нож.

С затейливой резьбой —
Родителей подарок,
О сколько унеслось
С тех пор крылатых лет?
Я снова в городке,
И вечер летний ярок,
И тот же сизый дым
От горьких сигарет.

Бранилась мать моя:
«Опять пиджак испачкал,
И в драке дворовой
Поранена губа...»
Ох! Выше всех домов
В посёлке водокачка,
Холодная, как лёд,
Гудящая труба.

Чумазый паровоз
Свистел и ухал часто,
Он даже по ночам
Не оставался нем,

А осенью, когда
Горели ярко астры,
Мы пили чай,
На хлеб намазывая джем.

Мне кажется порой,
Что время не уходит,
А где-то за углом
Живёт и не тужит,
Составлено как мир
Из сказок и мелодий
И, может быть, зимой
От холода дрожит.

И струнами звенит
Расстроенной гитары.
И плачет, и поёт...
И хочется понять,
Куда уходит мир,
И новый год, и старый...
И чудится во тьме:
Молитву шепчет мать.

Ночной перрон

Ночной перрон, продрогший поезд,
Дождь льёт как будто из ведра.
Мы здесь шатаемся с утра —
Прощаний горестная повесть.

Упругий ветер время сжал,
Событий напряглись пружины.
В туманном мареве вокзал,
В дождевиках промокших спины.

Дрожит непостоянный свет.
Я понимаю: время бренно,
Его уже и вовсе нет —
Прощай, напишешь непременно.

Но знаю я, и знаешь ты,
Что встреча вряд ли состоится,
В холодном море пустоты
Неразличимы дни и лица...

Обнявшись, мы вдвоём стоим
В тревожных сумерках рассвета...
Но кажется, что я один,
А ты уже в далёком... где-то.

* * *

И если ты уйдёшь теперь,
Я задохнусь от этой боли.
Душа моя, как дикий зверь,
К тебе стремится поневоле.

Тоска приставит к горлу нож
И шепчет, и грозит, и просит:
«Она тебя не ставит в грош,
Она тебя однажды бросит

И будет жить, над всем смеясь,
Ей ничего уже не свято,
Её любовь всего лишь страсть,
А страсть изменою чревата.

Её любовь — весёлый пир,
Ко всем мила, ко всем сердечна...
Твоя любовь, как этот мир,
Непостижима и предвечна».

В стране, где дождь звенит...

Сквозь занавес дождя, разорванные тучи
Пробьётся жаркий луч и упадёт на стол,
И подкрадётся ночь, бессонницей измучит —
Осенний мир земли и сумрачен, и гол,

Он замер и давно предчувствует бураны,
Но сухо и тепло на пыльном чердаке,
Где школьная любовь и пишутся романы
Провидицей-судьбой пока в черновике.

И вот придёт зима, её круты повадки,
И станет всё бело и празднично вокруг,
Захочется идти, как прежде, без оглядки
В серебряную мглу и слушать голос выюг.

А помнишь тот барак, где сумрак плавал серый,
Упрямые ветра снег прятали в овраг,
И бедный, жалкий быт без святости и веры,
И жернова времён дробили душу в прах.

Но среди этой мглы твоя спасала нежность,
И трепет рук твоих, предчувствие любви...
И зимний день дрожал в тумане белоснежном,
И паруса ветров врезались в край земли.

Предзимье

Клубника зацвела — цветы как многоточия,
Но близкая зима погубит этот цвет.
Всему назначен срок — теперь я знаю точно:
Нам не вернуть назад безумство прежних лет.

Но в глубине души живут иные чувства,
Я вижу на земле от каблучков следы...
И скоро ляжет снег и станет пусто... пусто,
Как будто никогда не приходила ты.

Старинное вино

Что в этой маленькой бутылке
Теперь отягощает дно —
Дурман украинской горилки
Или грузинское вино?

Быть может, в ней кипение ада
Или смертельная тоска?
Её и открывать не надо б:
Вдруг грянет выстрел у виска.

Быть может, в ней лежит записка,
От вод хранима и огня,
О том, что на земле не близкой
Ты помнишь всё ещё меня.

Быть может, в ней простор без края,
Где проживали ты и я,
Быть может, в ней душа чужая,
Быть может, в ней душа моя...

Всё прочее — мелочь

Я сумею прожить без любви
И довольно — влюблённых жалею,
Ветер кружит один по аллее...
Улетели от нас соловьи.

Ну а если ты всё же придёшь?
Что же делать тогда, что же делать?
Лишь бы голос не выказал дрожь,
Лишь бы голос... всё прочее — мелочь.

Предчувствие

Надеясь на счастливый случай,
Я прозреваю: будет срок,
Когда, потерями измучен,
Я возвращусь на твой порог.

Зажгу огонь, в углу присяду,
И, заслонившись от огня,
Ты скажешь мне: вот ты и рядом,
Не проклиная, не виня.

Обидного не скажешь слова —
Лишь боль, как бритва, обожжёт.
Для встреч не нужен даже повод,
Когда их наше сердце ждёт.

В саду

В сквере играют дети,
Вдали от пыльных дорог,
А на скамейке в берете
Старик восседает, как Бог.

Я для него лишь прохожий...
С тихим пожатием руки
Я понимаю: похожи
Все на земле старики.

Треплет беспечный ветер
Зелёное пламя ветвей.
Грусти не знают дети
и не считают дней.

...Слушаю лепет невинный
В обществе старика,
Будто иду с повинной
В детство издалека.

Снова вспомнится мне

Я пошёл по земле — это дело простое,
Отболела душа миражами огней.
Обернулся — колышется поле пустое,
А за ним неуютное скопище дней.

Под ногою шуршит то песочек, то гравий,
В небе блики холодные новой зари,
Жизнь, возможно, игра — мы играли без правил.
Кто же прав был из нас? Ну, поди, разбери.

По лесным закоулкам разносится эхо,
Покатались под горку похожие дни.
Остаётся одно: бросить всё и уехать
В край, где сосны гудят по просёлкам одни.

Где туманы висят из прозрачного шёлка,
Где дожди барабанят по крышам, и вот...
Снова вспомнится мне золотистая чёлка,
Что мелькала, как пламя, у наших ворот.

* * *

Ты однажды забудешь меня
В час рассветный под утро
И, уже никого не виня,
Заживёшь и толково, и мудро.

Будешь пить с бутербродами чай
И читать не стихи, а газеты.
И под крик улетающих стай
Вспоминать васильковое лето.

День наступит — тревожен, дождлив,
И, твою вспоминая повадку,
Я вернусь, ничего забыв,
И тебя вдруг окликну украдкой.

И спрошу: «Как живёшь без меня?»
Всё забыть ведь и ты не сумела.
Ведь и вправду с тобой мы родня:
Ты душа, ну а я твоё тело,

Разминулись вот только слегка,
Что же с нами свершила разлука?
Всё случится потом... а пока —
Ни надежды, ни слова, ни звука.

Рюкзак

На сборы час — катушка чёрных ниток,
В пакете хлеб, рубашка в рюкзаке
И мелочь разная — ничто не позабыто:
Идти по жизни проще налегке.

Но тягостны минуты расставания,
И голос твой звенит в моей душе,
И искренность последнего признания,
К чему слова всё сказано уже...

Не сожалею, что будем позабыты,
Что из того, но так безумно жаль,
Что мой рюкзак, из парусины сшитый,
Я не возьму в заоблачную даль.

Кулунда

Будет день, я однажды уйду
В серый сумрак из нашего дома
И уеду один в Кулунду,
В этом городе всё мне знакомо.

На перроне скучают часы,
Вдоль вагонов проходит путеец,
Паровоз раздувает усы
С важным видом, как бравый гвардеец.

А в продмаге, что звался «петлёй»,
Продавали любое варенье.
С одноногим соседом Ильёй
Мы играли в лото в воскресенье.

Затеряюсь в толпе чудаков
Средь вокзального шума и гама,
Среди дачниц, детей, стариков,
Средь баулов, тюков, чемоданов.

И не важно, что поезда нет,
Ведь туда поезда и не ходят,
И не важно, что я уже сед
И короткая жизнь на исходе.

* * *

Вот и осень пришла,
Вот и лето промчалось, как поезд,
Пронеслось по лесам
И рассыпалось эхом вдали —
Мы читаем взахлёб
Нашей жизни печальную повесть
И летим за строкой,
А над нами летят журавли.

И кричат, и зовут,
И несутся протяжные крики,
И трепещет душа,
И грустит, неизвестно о чём...
И дрожат на ветру,
И слепят ярко-красные блики
Звонких листьев сухих,
И рябина пылает костром.

Вот и лето прошло,
И весь мир разрушения на грани,
И маячит во тьме
Череда бесконечных разлук.
Грозен осени свет,
Но зато никогда не обманет
И не бросит в беде,
Как не бросил бы преданный друг.

Вот, смотрите, летят,
Опускаются ниже и ниже
И курлычут они,
Распластавшись над тёмной рекой...
Как жесток этот мир,
Небеса мне становятся ближе —
И сиреневый свет,
И холодный, как вечность, покой.

* * *

Закатов белоснежные наряды наряды
В озёрной отражаются воде.
В саду за потемневшею оградой
Черёмуха в сиреневой фате.

Луч солнечный, как острие кинжала,
Пронизывает огненную даль.
Я, может быть, и начал всё с начала
В краю ином, да прожитого жаль.

Здесь можно жить и умереть, но дума
О вечности меня томит, когда
Дрожит на дне колодезя угрюмом
Ключей подземных чистая вода.

Сияет купол церкви на пригорке,
Мерцает в небе серебристый свет,
И дрогнет, может быть,
В окне знакомом шторка,
И сладостней мгновенья в мире нет.

Попутная

Машины всё проскакивали мимо,
И лишь одна подобрала бродяг,
Оттаивали бороды и спины —
Теперь не страшен холод и сквозняк.

Летим вперёд по ветреному краю...
Водитель жмёт отчаянно на газ —
Мы слушаем, ладони растирая,
Случайного попутчика рассказ.

А за спиной утрюмый «МАЗ» маячит,
Заснеженный сверкает окаём...
«Не вешай нос, жизнь что-нибудь да значит», —
Что значит жизнь, нескоро мы поймём.

И наплывает сладкая истома,
А впереди два светятся огня.
«Эй, парень, останавливай, я дома
Не проскочи: там ждут уже меня».

И век прошёл, и не начнёшь сначала,
И жизнь попутной фурой пронеслась,
Быть может, той, что нас когда-то мчала
И в жуткий холод обогрела нас.

* * *

Мне жаль упавших звёзд,
Мне жаль бродячих кошек,
Но тягостней всего
Ветров угрюмых вой...
Весь город запылал,
Его укрыл прохожий
Бродяга-листопад
Багряною листвою.

Ковёр осенних дней
Из грубой ткани соткан.
Ну, что тебе ещё...
А там над головой —
В холодной вышине —
След белый самолёта,
Что птицею парит
Над бездной голубой.

Он воле подчинён
Умелого пилота,
Он мчит тебя туда,
Где океана бред
Не слушает никто,
А есть ли там хоть кто-то,
Похожий на меня?
Я думаю, что нет.

И я бы улетел,
Мне это сделать просто —
На край иной земли,
Где расставаний нет...
Зачем же плачу я,
Зачем ищу тот остров,
Где в камень бьёт волна
Уже семь тысяч лет.

* * *

Шумит вода по трубам водостока,
И облачная движется гора...
Нет ничего излишнего у Бога,
Всё сочтено: и жесты, и слова.

Всё сочтено: и радость, и тревога —
Июльская окончится жара,
И лист сгорит, и позовёт дорога,
И сердце вдруг откликнется: пора.

Грустная повесть

Осыпается высь серебром:
Накренились покатые крыши.
Понимаю, ценней всего дом
С неостывшим родным очагом...
И душа, что живёт где-то выше.

Эти снежные вихри любя,
Цепкой памятью мучая совесть,
Вспоминаю себя и тебя,
Как мы жили, друг друга губя, —
Бесконечную, грустную повесть.

Безнадёжное время утрат,
Топких рек ледяные торосы...
И текут бедной родины слёзы
На деревья, овраги, откосы,
И дрожит, и волнуется сад...

* * *

Мучительной знобящей дрожью
Пронизан порыжевший бор,
Я ухожу по бездорожью,
Несу таинственный дозор.

Угрюмый день тягуч и скучен,
И безнадежен ветра стон...
Я мраком осени измучен,
Молчаньем сердца удручён.

И не зовёт уже дорога,
Как прежде, в солнечную даль.
Журавль таинственно и строго
Скрипит, и мне до боли жаль

Пустынный мир, где неумело
Я жил, любя осенний свет,
Где вьюги шлейф безумно-белый
Засыпал твой прощальный след.

* * *

Скажи, когда всё это было —
В каком году, в каком краю:
Звезда далёкая светила,
Ты, кажется, меня любила
И говорила мне — люблю.

Будильник тикает сердито.
Служитель Хроноса — мой враг:
Напоминает он бандита,
В колоде крап, и карта бита,
Но верит в лучшее чудак.

И невозможно жить иначе,
И купол неба надо мной,
И воздух движется ночной,
А в вышине волною горячей
Сверкает вечный мир живой.

Прекрасный, не подвластный тлению,
Восторгом плавится в крови,
Серебряной очерчен тенью,
Способный к вечному цветению,
К преображению и любви.

* * *

Ты Тот, кому кричат седые журавли,
Что пролетают над осенним садом.
Хочу увидеть край Твоей земли
И то, что рядом.

Увидеть море грозное зари,
Вкус ощутить рябины поздних ягод...
И вникнуть в суть евангельских загадок,
И жертвенность и таинство любви.

Омыть чело крещенской силой вод,
С Твоим дыханьем на мгновенье слиться,
Открыть Тебя в заката красках, лицах,
Без слёз встречая журавлей отлёт.

* * *

И ель, и золотое зарево,
И бездны первозданный лик.
О, как я время разбазаривал —
За годом год, за мигом миг.

Души зарубцевались ссадины.
Я не жалею ни о чём:
Казалось сладким то, что крадено,
А горьким делалось потом.

И, это понимая исподволь,
Искал я в будущее след,
И жизнь тянулась, словно исповедь,
Напоминающая бред.

Душа искала тихой радости,
Звенел в июльских травах шмель.
Всё сущее запомнить надо бы —
И бездну звездную, и ель...

* * *

Искры ввысь от костра летели,
Над водой синели кряжи,
И качались седые ели,
И пикировали стрижи.

И стремилась душа на волю,
Неустроенность жизни — пустяк,
А теперь по пустынному полю
К нам подкрадывается полумрак.

И тревожно клубятся дали,
Но летит о спасении весть —
Как же долго мы этого ждали,
Как нам холодно было здесь.

* * *

От себя не уйти никуда:
Только время врачует страсти,
Закатились под горку года,
Заблудилось в трёх соснах счастье.

Проживаю в земной глуши...
Проявление вселенской сути
Есть причастность живой души
К каждой малости и минуте.

Листья жгут — по низине гарь,
Скоро осени грянет ненастье...
Только сердце, как глупый глухарь,
Всё поёт, всё токует о счастье.

* * *

Я был пылающим огнём
И жаждал мести,
Я был хранителем имён
И стражем чести.

И в глубине июльских дней,
Внимая звуку,
Я чувствовал тоску полей
И неба муку.

И в лютый холод и в жару
Я лживым не был,
Мне кажется я не умру —
Взойду на небо.

* * *

Удушливый ветер и зной,
И спины деревьев горбаты.
За этой кирпичной стеной
Мы счастливы были когда-то.

Крушили на кухне хрусталь
И чайную били посуду,
И было ни капли не жаль
Осколков звенящую груду.

Скандалом встревожен был дом
И праведным гневом охвачен,
И пусть сожалел я потом —
Не мог поступить я иначе.

И время несло, как река,
Впадая в великую реку...
Желая меня, дурака,
Быстрее превратить в человека.

* * *

Дешёвого выпьет вина,
Покурит в подъезде,
А дома встречает жена:
Век прожили вместе.

И бранные крики опять:
Уж лучше б ты сгинул,
Одной, видно, век коротать...
И выпрямит спину.

На кухне рыдает одна,
Ни боли, ни страха...
И мужнину после она
Усердно стирает рубаху.

* * *

Закружилась шальная метель,
Отгулявшего лета не жалко,
За окном, где морозная гжель,
Вспыхнул яркий узор полушалка.

Отчего бесшабашно жилось?
Где та родина, плачь по которой?
И надеялись мы на авось,
И крушили кудыкины горы.

И скорбели над общей судьбой,
Проливая слезу об Отчизне.
Ну, хотя б на прощание мне спой
Песню ту о любви и о жизни.

Полушалок на плечи набрось,
Отряхни от серебряной пыли.
Вот и век пролетел на авось.
Вот и песни свои мы забыли!

* * *

Синий мяч и взлетающий змей,
И прозрачная ветка сирени,
Задержи то мгновение — сумеи
Тонким неводом вздрогнувшей тени.

И прольётся простор голубой
В глубину опадающей рощи,
Запах прели и отблеск любой
В струях огненных осень полощет.

В этих зарослях ивовых пут,
Звона дней и обманчивой лени
По тропинке забытой бегут
Звонких лет угловатые тени.

Дай мне знак вверх вздетой рукой,
И исчезнет минута бесследно,
Как судьба, как пейзаж золотой,
Как заката румянец победный.

* * *

В моём тихом жилище
Лишь пищат комары,
Ветер в сумерках свищет
До рассветной поры.

Попросила соседка
Ей забор починить,
Бьётся жёлтая ветка.
Как же дальше мне жить?

Развязалась вязанка
Грустью пахнущих снов,
Разгорелась голландка:
Треск берёзовых слов.

Тишина в переулке,
А в истоке души
Голос вечности гулкий,
Хоть икону пиши.

* * *

Пели песни, от грусти немея,
Так и жили, друг друга губя,
О родном и далёком жалея,
Рассказать о котором нельзя.

Потому что лишь сердце коснётся
Этой боли, забытой уже,
Вдруг горючей слезой обернётся
Всё, что дорого было душе.

И не видно за этой слезою,
И не слышно за грустью такой,
Кто поёт над вечерней рекою,
Что лепечет в ночи сухостой.

* * *

Выспрашиваю у соседа,
Что знает рыбные места,
Скажи, река какого цвета,
И в чём природы красота?

А он закурит сигарету,
По рюмке маленькой нальёт
И скажет:
— Не ищи секрета, —
И про рябину запоёт.

И замолчит, внимая звуку,
И станет зябко на душе.
Скажи мне:
— Про какую муку
Рыдает ветер в камыше?

Музыка

Среди пустынных миражей
Мелодия любви звучала,
Вселенной положив начало
За шесть непостижимых дней.

И вечность превратилась в миг,
И звёзды в небе зазвенели,
И Млечный путь, как след метели,
Из бездны дымчатой возник.

Душа, омытая слезой,
Весь мир вместила воедино,
И плоть рассыпалась, как глина,
И дух затрепетал живой.

* * *

Деревья и воздушны, и легки,
Зелёный сумрак вьётся над ветвями,
Висит туман над зеркалом реки
И грозовые тучи над полями.

И тишину пронзает птичий крик,
И на душе таинственно, тревожно,
На небо глянешь — видишь чей-то лик,
И босиком ступаешь осторожно.

И облачная движется гора,
И шепчет век мне слово об утрате,
И дождь шумит над крышею с утра,
Как друг, разговарившийся некстати.

Поэт

Ему уже немало лет,
Но кажется, что он не видит
Ни нас с тобой, ни этот свет,
Смеясь, его любой обидит.

К столу протиснется бочком,
От пустяка развеселится...
За стёклами его очков —
Глаза давно ослепшей птицы,

Что видит он в пучине зла,
Какой необъяснимый ужас...
Нас вместе истина свела,
Сроднила огненная стужа.

Не попрощавшись, он уйдёт,
Пальто поспешно взяв в охапку,
И ветер с головы сорвёт
Его потрёпанную шапку.

А остальные, глядя в след
(Когда он их уже не слышит),
Кричат: какой же он поэт,
Когда он ничего не пишет?

* * *

Гора щепы берёзовой, чурбак,
Здесь дед рубил пеструхам ловко шеи.
А дальше — сад, стремянка на чердак,
Колодец сгорбленный и ельничек левее.

Замёрзших дров поленница крута,
Потянешь снизу — рухнет всё обвалом,
На коврике лежанка для кота,
Кровать железная покрыта покрывалом.

И льётся свет небесный в полисад,
Где умывальник медный на коряге,
День побледнел, снега огнём горят,
А в комнатах поскрипывают лаги.

И ничего не происходит здесь:
Часы настенные идут себе по кругу.
И даже незначительную весть,
Как нечто важное, передают друг другу.

А вечером коровий слышен рёв,
С ведром уходит бабушка из дома,
Скрипит крыльцо. Глухой гремит засов.
Смежает веки сладостная дрёма,

И снится мне далёкая страна,
И грозный мир, и всполохи сирени,
И меркнет свет, и яркая луна
По комнате передвигает тени.

Гармонист

Как тот кулик, что плачет на болоте,
Как тот журавль, что мёрзнет на ветру,
Моя душа весь век живет в заботе,
Сидит дурнушкой тихой на пиру.

Эй, гармонист, какая песня злая!
Не ты ли тот, что шёл с ножом в ночи?
Не твой ли брат теперь в окошко рая
Рукой озябшей поутру стучит?

Что просит он, о прожитом горя?
Но дверь глуха, не заскрипит засов...
Напой мне песню светлую, другую —
Из тех дремучих, муромских лесов,

Из той глуши... Мне больно за державу —
За слово Русь, что тянется, как звон,
За дел её блистающую славу,
За жизнь её тяжёлую, как стон,

За крест её! От твоего напева
Дрожит душа и горестно вдвойне...
И лихо пляшет ветренная дева,
Ещё не протрезвевшая вполне.

Белая сирень

Белым цветом сирень расцвела,
Указав наступление лета.
И душа, оробев, уплыла
В бирюзовые всполохи света.

Что за странная тяга к цветам,
Опрокинутым в синее небо?
Никому никогда не отдам
Это таинство летнего снега.

Вспыхнет зарево дальних светил,
Освещая на небо дорогу,
И откроется тайна могил,
Что роднит человека и Бога.

Но припомнить никто не спешит
То родство, опьянев от сирени.
И душа в изумленье дрожит
От Креста исцеляющей тени.

* * *

Синий сумрак, подтаявший снег,
На дороге глубокие тени,
И спешащий всю жизнь человек,
Поскользнувшись, упал на колени.

Глянул в небо сквозь мрак бытия,
Не почувствовав брэнного тела,
И струилась метель, как змея,
И в глаза неотрывно смотрела,

И метался отравленный век,
Все долги собирая и пени.
И заплакал смешной человек,
Пав пред Славой Небес на колени...

* * *

По обочинам шумных дорог
Сиротливо притихли берёзы,
И висит синеватый дымок,
И шуршат по асфальту колёса.

И торопится новая Русь,
Мчат «тойоты» красиво и лихо,
Кто в них едет, сказать не берусь,
А проедут — становится тихо.

Жаль, что пыль на берёзы легла,
Жаль, что копоть на души осела.
Ты когда-то другою была —
Ты заморской судьбы захотела.

Променяла высокие сны
На дешёвый налёт позолоты,
За кого твои гибнут сыны?
С кем воюют безусые роты?

Обезумела ты до поры,
На разруху глядишь без участия.
Но в одном виновата и ты,
Что поверила в лёгкое счастье.

Ты вдогон тянешь ветви свои
За весельем отравленной жизни,
Но, как прежде, поют соловьи
Те же песни свои об отчизне.

Тяжёлый разговор

К. Рассадину

Когда я прихожу к нему,
Я вижу стол пустой и серый.
О, как потом себя клянусь,
Что было выпито не в меру.

Он молча на огонь глядит,
Ломаёт чёрствый хлеб рукою,
В углу прокуренном сидит,
Окно проветрить не откроет.

Оно давно забито им
От лютых сквозняков и счастья,
Теперь в него вдвоём глядим,
За ним всегда шумит ненастье.

Поэта непростая жизнь
Была им выбрана когда-то.
Кому не нравится — катись,
Тарелка кислого салата.

Вот он согнулся, словно гном,
Услышав злое пенье вьюги...
Давай, поговорим потом,
И я встаю почти в испуге.

И стены смотрят на меня,
На серый стол и кучку пепла,
И кто-то ходит семени,
И жаром пышет, как из пекла.

Прерву тяжёлый разговор,
Сама Россия здесь бедует,
Открою двери в коридор,
Пусть свежим ветерком обдует.

Идею русскую найти
В его углу не хватит света,
Я мог бы запросто уйти,
Но что ему сказать при этом?

* * *

Хлеб насущный — да это ли важно:
Русь не хлебом единым жива.
Пусть ворует чиновник продажный
И о смуте пророчит молва.

Не страшись, что враги у порога:
Им настанет отмщения час,
Важно то, что мы веруем в Бога,
Важно то, что Спаситель за нас.

* * *

Брату Владимиру

В этой туче нахмуренной — снег,
В этом облаке розовом — грозы,
Отзвенел искромётный твой смех,
И иссякли прозрения слёзы.

Что ты помнишь из прошлого, брат?
Сиротливого поля ромашку?
Встречный ветер — он, кажется, рад
Красным парусом выгнуть рубашку.

Перемелется всё и пройдёт,
И уходят рассветы всё дальше,
И серебряный ветер поёт
О любви и о смерти без фальши.

Ветер, ветер! А где же твой дом?
Мы тебя никуда не отпустим,
Ах, давайте об этом потом,
Ах, давайте об этом без грусти.

* * *

Лебеда и полынь.
Звонким эхом встречает опушка,
Комариная глушь
Да слепни окружили коня,
Захолустье моё,
Заунывно кукует кукушка,
В окнах сгорбленных изб
Полустёртые блики огня.

Виснет серый туман
По глухим и ухабистым весям.
Через речку мосток,
Одичал мой берёзовый край.
(Так внутри защежит!)
На колодце зелёная плесень,
На задворках стоит
От дождей почерневший сарай.

В полинялом платке
Ковыляет старушка с клюкою,
Глохнет мёртвая тишь,
Ничего не случается здесь.
«Здравствуй мать». — «Да ты кто?»
Заслонила от солнца рукою.
«Не признаю никак,
Не из наших ты, видимо, мест».

И, поправив платок,
За калиткой скрипучею скрылась,
Засветила огонь,
Просветлело в заветном краю,
Положила поклон
И цареви Христу помолилась
За властей, за сынов
И за тихую землю мою.

Обезглавленный храм

Обезлюдел берёзовый край,
Обветшали покатые крыши...
Гулкий крик улетающих стай
Над землей поднимался всё выше.

Я хотел дотянуться рукой
До зари, что дымилась, как рана,
И застыть над холодной рекой
В виде белой полосы тумана.

И не думать о древней стране,
О державе, погибшей без боя,
И уплыть на высокой волне
В неизвестное море покоя.

И забыть обезглавленный храм,
Где лишь ветер разбойничий свищет,
А в глазницах раздробленных рам
Отражается свет пепелища.

* * *

Древний мир затерялся в жнивье,
Под застрехой гнездовье земное
Быстрой ласточки: в ветхом жильё
Обезлюдевшем всё ей родное.

А казалось бы, что этот дом
Из пропахших рассветами брёвен?
Жило счастье стозвонное в нём
И гудел перезвон колоколен.

Этой боли я раньше не знал,
Пролетели безумные годы.
Кто же тайно тебя убивал,
Дивный край деревенской свободы?

Но как прежде кружит вороньё,
И затянуты тиной затоны...
Сгинет родина, если её
Божья мать не окрестит с иконы.

* * *

Я заскучал по сельскому жилищу,
По ласточкам и жёлтому жнивью,
Где комаров и мелких мошек тыщи
И помидоры зреют на корню.

Пойду в луга, где травы и дремота,
И грозовые бродят облака,
И встречу у заросшего болота
Блаженного, а проще — дурака.

В пригоршню он насыплет мне махорки
И улыбнётся светлостью своей,
Приляжет, примостившись на пригорке,
Среди простора вольного полей.

Он не боится ни мошки, ни грома,
И что ему земного дня лимит?
Не брит, не мыт — смотался из дурдома
И, знай себе, махоркою дымит.

Не скажет слова праздного он всеу,
Пока он жив — и родина жива,
Пусть даже власть холопья торжествует
И всё кругом разграблено дотла.

Журавлиный плёс

Журавлиный плёс
В серебре огней,
От весенних гроз
Небеса синей.

Журавлиный стон
Над простором рек,
Как бредовый сон,
Навалился век.

Упадёт звезда
В тишину полей,
Пробежит слеза
По щеке моей.

И прозреет век,
Что омыт слезой,
Я сквозь талый снег
Просочусь водой.

* * *

Премудрости самой
Ты разгадай следы,
Раскрась равнины дней
Сиреневым туманом —
Из чаши бытия,
Отпив глоток воды,
Дорогами судьбы
Идти я не устану.

И стихнет бури звук,
И в горечи потерь
Исчезнет вечный страх
Пред ужасами тления...
Вдруг море восшумит
И выйдет страшный зверь,
Мучитель и злодей,
Предвестник воскресенья.

В родниковом краю

Жёлтый солнечный шмель
Загудит за медовым оврагом,
И раскинется тишь,
Вековую истому храня.
Заверну в глухомань
И по кочкам пойду и корягам,
И прилягу в траву
На излёте июльского дня.

И меня разморит...
И ветра по просёлку запляшут,
Запоёт чернотал,
И на сердце рассеется мгла.
«Возвращайся назад, будь здоров», —
Люди добрые скажут,
О своём помолчат
И возьмутся опять за дела.

Жил ли я на земле?
Это знает сухая крапива
И бескрайняя даль,
Просветлившая душу мою,
И тропинка в полях,
Где я мчал на коне черногривом,
Ещё солнечный шмель
В том далёком забытом краю.

* * *

Как слепые, бредём наугад.
Хоть кричи, хоть залейся слезами,
Покажи мне, кто брат, а кто враг,
Все с сумой, все с ножами.

Ты поведай заветы свои,
Тайных троп покажи мне пределы.
Твои белые росы в крови,
В язвах горнее тело.

Братской кровью позора не смыть,
Если снова прольётся.
Может быть, может быть, может быть,
Божья милость вернётся.

* * *

Я смотрю на разбитые стены,
Что остались от прежних времён:
Слышу лагерный окрик сирены
И людей умирающих стон.

Длинный ряд умывальников серых
И бараков разрушенных пыль.
Что творила здесь дикая вера...
А за лагерем мёртвый ковыль.

Ни охранника нет и ни зэка,
Будто все, сговорившись, ушли.
Только ужас двадцатого века,
Только чёрные комья земли.

* * *

Слышу медленный звон колокольный.
И до праздника несколько дней.
И колышется ветер привольный
Белым облаком вербных ветвей.

Звон печальный, но тонкие ветки
В мир несут Воскресения свет,
И пасхальные яйца соседки
Красят луком в малиновый цвет.

Остальное всё стёрто судьбою,
Говор нищих и скорбен, и тих,
Что случилось, Россия, с тобою?
Ты не плачешь о детях своих.

Палачам возразить ты не смеешь,
Мчится в бездну евангельский конь,
И от мысли одной онемеешь:
Благодатный ли вспыхнет огонь?

* * *

Ты Россию с древних лет
Любишь, а глядишь сурово?
И услышал я ответ,
Его царственное слово.

«Не забуду дел её —
И святых, и беззаконных,
Слово в ней живёт Моё —
В небесах её бездонных.

Если б чуждою была —
Дал бы ей в карманы злато,
Чтобы ела и пила
В белокаменных палатах.

Чтоб пришла на Страшный Суд
В багрянице дел позорных,
Дам ей очищения труд,
Пусть живёт в палатах горних.

Обновлю её любовь,
Помнит пусть мои угрозы,
И грехи омоет кровь,
И молитвенные слёзы».

Весть

Лёгкий, как дым, и рябой
Гость помутневшего неба,
Снег, ты с рожденья немой,
Дай мне насущного хлеба.

Весть о спасении дай,
Тихо поплачь без причины,
Вот он, библейский Синай,
Горбит усталую спину.

Сверху, конечно, видней,
Что замышляет Иуда,
Тайну рождественских дней
Ты возвещаешь оттуда,

Вспыхнет закат на снегу —
Вечер придёт осторожно,
В белом, знобящем бреду
Сердцу легко и тревожно.

Прожили тысячу лет
Мы в ожидании чуда.
Ждали Миссии привет —
Ждали привет Твой... оттуда.

* * *

Там, во дворе, где запах миндаля,
Цветения лип и жареной картошки,
Шальное лето крутит кренделя
И вскачь бежит по солнечной дорожке.

На коммунальной кухоньке — народ,
Звонит с утра гармошка с бубенцами.
И день, как вечность, за окном встаёт,
А на столе тарелочка с блинами.

И кто-то добрый светит в вышине
Огромной лампой, что зовётся солнцем...
Я в это время счастлив был вполне,
Прищуром глаз похожий на японца.

* * *

Моей души небесная охрана —
Словес Твоих целительный глагол,
И крылья белоснежного тумана,
Что горний опоясали престол.

Душа моя на облаке ночует,
С врагом ведёт непримиримый бой.
Негромким словом горюшко врачует,
Похожая на голубя собой.

Она меня разбудит спозаранок
И сохранит от горести и зла,
Подарит связку маковых баранок,
Что для меня она приберегла.

* * *

Всё отдали — и дом, и домовых,
Ну а в придачу прочие мытарства —
Хотелось очень булок дармовых,
И самозванца возвели на царство.

Одумались — и вот идём назад —
Чужая речь повсюду нас встречает...
Стучим в свой дом — выходят и молчат,
И псов цепных навстречу нам спускают.

* * *

Иду по листьям сентября,
По жёлтой прели листопада,
В который раз тропу торя
Сквозь тьму осеннего распада.

Как дерево держало лист,
Так я держу весь мир в ладони.
И слух пронзает ветра свист,
В котором всё былое тонет...

И рвётся кромка бытия,
За ней голгофский свет и муки
И этот мир, и ты, и я,
И эта ночь, и звуки, звуки...

* * *

Ну, вот и стали мы взрослей,
И наши души очерствели,
И ветры с каждым днём грубей,
И всё отчаянней метели.

Своей не чувствуя вины,
Становимся ещё суровой.
Взираем исподлобья мы
И привыкаем к цвету крови.

* * *

Жёлтых листьев знобящая дрожь
И летящая пологом вьюга.
Ты сказала: одна проживёшь,
Не жена, не сестра, не подруга...

Мы вино наливали в стакан,
На туманные грани глядели,
И играл тёмной силой «Агдам»,
И нестройные мысли летели.

И кружил по дороге февраль —
Белых вихрей туманились стены.
Неужели всё в жизни — печаль
Неужели всё в жизни — измена?

В это дивное время порош
Даже беды водили без стука...
Ты одна, ты одна проживёшь —
Неужели всё в жизни — разлука...

Мы смеялись и плакали вновь,
Из порочного вырвавшись круга...
Неужели всё в жизни — любовь
И безумная нежность, и вьюга...

* * *

Зачем я поспешил,
Не дожидаясь срока,
В болезненном бреду
Ломая всё подряд?
На празднике чужом
Мне было одиноко,
На празднике моём
Мне больно от утрат...

Я жду — придёт весна —
Я прикоснусь к побегу,
Что из земли встаёт,
Природы руша сон...
И ощутив душой
Спокойствие и негу,
Я наконец пойму,
Как беззащитен он.

* * *

Слыла хлебосольной державой,
Ты нас непутёвых прости.
Ты судьбы народов держала,
От бед охраняя в горсти.

Они насмехаться не смеют:
Тебе ли насмешки терпеть...
Но если твой дух ослабеет,
То рухнет небесная твердь.

* * *

Моя душа на привязи живёт,
Жуёт и пьёт, и тянет лямку жизни,
И слышит голос ветреных высот,
И слышит плач об умершей Отчизне.

Она живёт среди большой беды,
Врагам её ухватистым переча,
И доживёт, быть может, до среды,
А там до воскресенья недалече.

* * *

И всё же жизнь берёт своё,
Лечу сквозь снег и бурю злую,
Сквозь полуправду и враньё.
Судьбу я полюбил такую.

За эти белые сады,
За шум серебряной метели,
За золочёные кресты,
Что в небо птицами взлетели.

За милосердие нищих душ,
Предвестниц будущего царства,
За буйный норов зимних стуж,
За святость русского пространства.

За этот мир в душе и свет,
За то, что в ней безумно пело,
За неустройство прежних лет,
За жизнь, что мимо пролетела.

* * *

Соберу пожитки я свои
И потом махну наудалую
В те места, где свищут соловьи
И подсолнух радуго целует,

Где мурлычет хитромудрый зверь,
Тарахтит рыбацкая моторка,
Я открою низенькую дверь,
Отодвину тюлевую шторку.

Взгляда удивлённого не прячь,
Чиркну я надломленную спичкой,
Не молчи, не сетуй и не плачь:
Я не вор с коварною отмычкой.

Я ушёл от разных передраг,
Мне б коня, полцарства да карету.
Шепчешь ты: «Какой же ты чудака,
Что впотьмах не зажигаешь света».

* * *

Когда мой сад зашевелит крылами
И быстрый ветер полем побежит,
И сердце, утомлённое делами,
От звуков непонятных задрожит,

В которых нет ни ласки, ни покоя
И боли нет, а есть лишь только ширь,
И задрожит, заплачет под ногою
Осенний лист — печали поводырь,

Когда меня пронзит прозренья трепет
И тихий свет небесного огня,
Не спрашивай, зачем я жил на свете,
Одну любовь в душе своей храня.

* * *

Ты подарил мне пробуждения миг,
Прозрачный свет и радужные тени.
И пусть я был не первый ученик,
Но я не знал уныния и лени.

Я был изобретателем антенн,
Корабликов с резиновым с мотором.
Всего живого ощущая тлен,
Я помышлял о солнечных просторах.

Ты дал мне неба голубую пядь
И власть души над грубой силой рока —
С годами всё труднее понимать
И видеть мир, как прежде, детским оком.

* * *

С куполов посбивали кресты,
Расстреляли селение, другое.
Эко горе, что души пусты —
Просто выпало время такое.

До сих пор покаяния — нет,
Отрезвились холодным простором,
Растворились в сумятице лет,
Неизбывная боль от которой.

Пятилеток суровая нить,
Перестройки пустая бравада,
Научились по подлости жить,
Ни души и ни храма не надо.

И отравою льётся вино,
И желает народ самосуда...
Если помнишь, когда-то давно
Жил на свете предатель Иуда.

* * *

Давай не будем горевать
О том, что этот мир уходит,
Его не в силах удержать
Вся прелесть, данная природе.

Не удержать, не умолить,
Пустое дело — слёзы лить,
Неумолим он и жесток,
Его премудрость между строк

И тайна нового рожденья,
И шороха, и удивления —
Всего, что было в нас с тобой
Непостоянного и злого...
Ах, да, в начале было Слово —

Скажи, а ты любила звон,
Цикад, играющих на флейте?
Церковный прозвучит канон
И смолкнет всё... и слезы лейте.

* * *

То, что было, что есть, и что будет —
Предначертано волей Творца,
Никого Он из нас не забудет,
Если помнит Он даже скворца.

И другую залётную птаху,
И травинку весенней земли,
И нельзя о Нём думать без страха,
И нельзя подходить без любви.

* * *

В кругу друзей, в минуты озарения
Я слышу звук далёких голосов,
Призыв любви, весёлой вьюги пенье,
Угрюмый шум таинственных лесов

И гул глубин, эпох минувших лица...
И хочется напевам тем внимать,
И верить в то, что время будет длиться,
И верить в то, чего нельзя понять.

* * *

Казалось, время будет длиться вечно,
И новый день нагрянет, как всегда,
И застучит капель под окнами беспечно,
И заблестит вечерняя звезда.

И будет март стоять, и требовать полёта
От бедной той души, смывая пыль времён,
И будет чуда ждать Великая Суббота,
И задрожит земля, прервав тяжёлый сон.

И птица зазвенит — как многоточия звуки,
И упадёт звезда над замершей рекой...
Я жду — чего я жду, ещё какой же муки...
Ещё какой любви и верности какой.

* * *

Я похож стал на зверя лесного,
Головастого с проседью в дым,
И бреду я по осени снова,
Неустройством природным гоним.

Заводь тихая в сумерках блещет,
Только где это — я не пойму,
А из заводи смотрит подлещик
С удивлением большим на луну.

И столетняя глушь на болоте,
Хищных крыльев бесшумный полёт,
Раньше здесь всё кипело в работе,
А теперь здесь никто не живёт.

Сколько лет полетело, не знаю,
Всё повымерло — сонная тишь.
Лишь под кустиком серенький заяц —
Ну, чего ты, трусишка, дрожишь?

* * *

Смирняя родовую прыть,
Познав всё сущее до йоты,
Мне хочется в себе открыть
Ещё не познанное что-то.

Забыть убогое житьё,
И всё, что пролетело мимо,
Отдать чужое и своё
И полюбить, что не любимо.

Великая Суббота

Апрель идёт, великая суббота,
Природа ждёт воскресшего Христа,
В движение всё, оставлена дремота,
Молитву шепчут тихую уста.

Во двориках торжественно и чисто,
Особый чин, церковный перезвон,
А небо так отчаянно лучисто,
Горит во тьме лампада у икон.

Оставлены житейские заботы,
Все по-иному будет в жизни впредь.
Молчит земля в Великий День Субботы,
Христос во аде побеждает смерть.

* * *

Во дворе в этот час ни души,
Лишь, хлебнув неопознанной дури,
Под окошком шумят алкаши,
Ну, чего им не спится «в натуре».

Про кремлёвский судачат обман,
Стих читают, что «выдал» Есенин,
Ну а то, что дыряв их карман,
Это их не волнует — «до фени».

Им бы надо спокойнее жить,
Протрезветь, поумнеть и побриться,
И обидчиков властных простить,
И с кремлёвским обманом смириться.

Отчего же и в мёртвой тиши
Мне не спится всю ночь до рассвета?
Ну, побреются те алкаши,
Протрезвеют, а родины нету.

* * *

Злодей Нерон великим был актёром,
Которых больше не было и нет,
Презрев судьбу, он поджигает город,
И Рим горит, кровавый льётся свет.

Любим толпой, что жадно ищет хлеба,
Неумолим, коварен и богат.
Казалось всем, что он взошёл на небо,
А он всё глубже погружался в ад.

* * *

Скажи мне, что любовь такое
И из каких приходит мест,
Что это небо голубое,
Что дышит заревом окрест.

Скажи мне, отчего мне больно
Смотреть на звонких листьев медь.
Скажи мне, и с меня довольно,
Чтоб жить Тобой и умереть.

* * *

посвящение другу

Преодолев глухую тяжесть плоти,
Он уходил в распахнутую высь,
Объяв весь мир в таинственном полёте,
Невидимый в неведомую жизнь.

Но стал серьёзней и в одно мгновенье
Вдруг просветлел, непонятый никем.
Казалось, он читал стихотворение
И в то же время оставался нем.

Он видел степь, куда он скоро ляжет,
Он видел мать у скромного креста,
И думал он, что, возвратившись, скажет,
Что жить начнёт он с чистого листа.

А город был и тих, и равнодушен,
И мёртвый дух, струясь из мёртвых тел,
Шептал во тьму: он никому не нужен,
И чёрный ветер в проводах гудел.

Расходилась пурга — сквозняки заструились
под дверью,
Предраассветная муть и тоска разрывная в груди,
Как же жить нам теперь — очевидцам развала
империи,
И повсюду беда, что не знаешь, куда и пойти.

* * *

Это жёлтое пламя ветвей,
Лист рябины, чеканный и строгий,
И щемящая память о ней —
Возвратиться и броситься в ноги?..

Пусть поплачет она надо мной,
Пусть она горьких слов не жалеет,
Даже если пройду стороной
Мимо дома, душа холодеет.

И так тонко звенит тишина,
И так жёстко дыхание стужи,
Потому что уже не жена
Та, которой я раньше был нужен.

* * *

Мне тебя не узнать,
 изменилась,
Всё прозрачнее глаз васильки.
Почему ты сегодня приснилась?
Почему побелели виски?

Желторотый птенец прочирикал
Незатейливый гимн о весне,
И от этого громкого крика
И теплее, и радостней мне.

Вот он с ветки вспорхнул неумело,
В первый раз покидая свой дом...
Неужели и жизнь пролетела
Вот таким же обманчивым сном.

* * *

И дождь оплакивает сад,
И листья падают, как искры,
Над миром кружит листопад,
Звенят шального ветра свисты.

Мир в ожидании зимы
О прошлых днях напоминает,
Об искромётных бликах мая,
Которого не помним мы.

Смирившись с горечью потерь,
Стоит наш дом средь мокрых вишен,
И если стукнет счастье в дверь,
Его мы даже не услышим.

* * *

Кому кричу, восстав над чёрной далью,
Пророческим не доверяя снам?
Проходит век, сверкая грозной сталью,
Мы связаны «свободой» по рукам.

Парит орёл над мёртвою страной
С тысячелетней, древнею судьбой,
Мы связаны предательства виною —
Виною страха, дрожью роковой.

Мы сироты, рождённые в неволе,
Оплаканные песнею дождей,
Повсюду плач, стенание и горе,
И голоса безумные вождей.

И головы свои вздымая выше,
Возводим храмы в нищенской стране,
Где свет берёз, струясь по чёрным крышам,
Звенит, как лёд, в вечерней тишине.

Ответ

Я тот Адам, что был когда-то болен
Тоской в груди по синим облакам.
Я нищий раб под сенью колоколен,
Упавший ниц к Спасителя стопам.

И свет любви и скорбный голос муки —
Я путь торю во тьме сквозь дикий край.
Я слышу песни Херувимской звуки,
Ищу всю жизнь потерянный мной рай.

Так кто же я, земли извечный странник,
Живущий в тёмной, облачной стране,
Небесного отечества изгнанник —
Какую мысль Ты носишь обо мне?

И прикасаясь к тайне сокровенной,
В себе самом я слышу Твой ответ:
Гряди по Мне, неси свой крест смиренно:
Я путь, Я жизнь, Я истина, Я свет!

* * *

Я, может быть, умер уже
И этого сам не заметил.
Покой и смирение в душе,
А мир бесконечен и светел.

Вершу я отважный полёт,
И сердце моё не остыло.
Пусть время сквозь пальцы течёт —
Его на любовь нам хватило.

Срываю упрямо стоп-кран!
Я здесь — остальное не важно.
Гудит бытия океан
Певуче, восторженно, страшно:

Событий хрустальная нить
И встреча с Творцом неизбежна,
И хочется снова любить,
И думать о царствии вечном.

* * *

А. Громову

И если схлынет суета,
Та, от которой в сердце тесно,
Наполнит душу красота,
Как весть о царствии небесном.

Тогда попробуй, сохрани
Сей миг первоначальной силы,
И пусть потеряны те дни,
В которых сердце не любило.

Ты будешь жить лишь этим днём,
Ты будешь жить лишь этим светом,
И если мы с тобой споём,
То лишь об этом, лишь об этом...

* * *

И звенят, и шумят, и поют,
И серебряным облаком тают,
И земной нарушают уют,
И в далёкую даль улетают.

Эти дни, эти звуки и сны,
Эти слёзы и радости годы,
Много грусти у ранней весны
И покоя у летней погоды.

Улыбнись, позови меня в дом,
Убаюкай, как раньше бывало,
Я заплачу, но это потом,
Я умру, но и этого мало...

* * *

Земля остывает к зиме,
Душа остывает к разлуке.
Как белые птицы в огне,
Холодные мечутся вьюги.

И длится на нервах игра,
И тон разговора скандальный,
Над чем мы смеялись вчера,
Сегодня вдруг стало печальным.

* * *

Ты сотворил земную твердь,
Просторы огненного неба.
О! Научи меня терпеть,
Насущного подай мне хлеба.

О! Научи меня терпеть
Хулы людские и наветы,
Душевную очисти клеть
И осени нетварным светом.

Дай силы за Тобой идти,
Сорви лукавые личины,
Дай крест спасения нести,
Не прекословя — до кончины.

О, научи меня прощать
И воздавать добром за злое,
Из книги бытия изгладь —
Моё нечестие бывшее.

Смирение истинное дай
И защити от злого рока,
И покажи небесный рай,
И словом обличи пророка.

Очисти сердце от страстей,
Очисти покаянием душу,
Чтоб праздных я не знал речей
И клятв священных не нарушил.

И стань водителем моим
Во тьме земного нестройства,
И дай испить кадильниц дым,
И Духа веянием откройся.

брату Владимиру

И нагрянула боль, и тебя со мной рядом не стало,
И за зыбкой чертой проступила угрюмая новь...
И стекает душа по рассвету расплавом металла,
Словно капля росы, словно капля зари,
словно кровь.

* * *

Мы все умрём: таков закон природы,
Безжалостная травма бытия,
Здесь всё не так, подобие свободы,
Мы все рабы — и ты, и он, и я.

Влачим свой жребий, выбранный случайно,
Где обретём последний свой приют...
Но в нас живёт иного мира тайна,
Где любят нас и верят в нас, и ждут.

* * *

Но тайна есть, она укрыта в Боге,
И счастье есть, летучее, как сон,
Оберегает нищих и убогих
Творец земли и неба и времён.

В нём есть любовь и та «слеза ребёнка»,
В Нём живы все — как новой жизни знак
Звучит во мне зовущий голос звонкий:
Гряди по Мне, ты слеп и нищ, и наг.

* * *

Что ни день, то праздник
Ладят для овец —
Не смеётся разве
Только что мертвец.

Что ни день, то тризна —
Чёрные кресты,
Бедная отчизна,
Что смеёшься ты?

Некому вступиться
За тебя теперь.
Можно лишь молиться
Да рыдать, как зверь.

* * *

По любви, по любви надо жить...

Е. Чепурных

Вьётся снежная мгла за окном,
Чьи-то тени — и шорох,
Все живое охвачено сном,
Ледяные туманятся горы.

А душа? Сколько лет она спит,
В рёбра давит прокрустово ложе,
И зима её очи слепит —
На кого она стала похожа.

То затеет кого-то винить,
То заплачет, подушку сминая...
По любви, по любви надо жить,
На любовь на одну уповая.

Ты стоишь, отвернувшись, в слезах...
Неприступная, гордая леди —
На душе одиночества страх:
Никому не нужны мы на свете.

Никому... И лишь ветер, гудя,
Бьётся в небе серебряной птицей,
Он из снежного плена тебя
Возвратит — и в окне отразился.

* * *

И день звенит,
Щебечет птичья стая,
И ветер мчит,
О будущем трубя.
И кажется,
Что мир земной сияет,
А он лишь отражение Тебя.

* * *

Какие дни стоят теперь,
Бессонные звенят капли,
На улицу открою дверь,
А там весна стоит за дверью...

Душа волнуется опять,
Струится свет — всё до отказа...
И хочется весь мир обнять,
И хочется всего и сразу.

В глазах от света чернота,
И горький привкус чернотала,
Вернуться бы на миг туда,
Где жизни самое начало.

Где снег похож рафинад,
Желтеют в вазе апельсины,
А летом серебристый град
Ломают заросли малины.

И вечность прячется от нас,
Как с равными, играя в прятки...
Где можно сделать всё «на раз»,
Рубить сплеча и без оглядки.

И всё... какая там судьба,
Какие там сомнений жала...
И если даже жизнь груба,
То всё равно её так мало.

* * *

На мрачных обломках империи,
Где полчища диких зверей,
Обломки лежат пионерии
И множество ржавых идей.

Там вихри враждебные веют,
Хорошие люди живут,
Они боронуют и сеют,
И завтра великого ждут.

Они человечнее, проще,
Им претит мещанский уют,
На кухнях волнуются, ропщут
И песни о главном поют.

О! Знали б они, что за звери
Из ржавых рождаются грёз...
А им расскажи — не поверят
И будут смеяться до слёз.

* * *

Снегопад, снегопад, ты мои заметаешь печали,
Закружишь, ослепишь и напомним, что было
вчера...

И идут облака цвета тёмно-сиреневой стали
В неизвестную даль — продолжается жизни игра.

Прошумит снегопад над землёй, над берёзовой
рощей,
Где среди ворожбы и давно позабытой любви
Ты покажешь мне путь, и вдруг станет и легче,
и проще,
Улыбнувшись, шагнуть в обжигающий пламень
зари.

Среди этой тоски ты казался мне другом далёким,
А сегодня сквозь сон ты опять постучался в окно
И наполнил весь мир неизведанным светом
высоким,
И меня, как птенца, ты поставил опять на крыло.

И почудилось мне, что мы снова летим
над полями,
Среди сонных озёр и кладбищенских серых
крестов,
И лампада горит в опустевшем нетопленном храме,
И печалится лик на старинной иконе — Христов.

Снова буйствует вихрь нескончаемой вечной
метели,
И куда ни пойти — ни огней, ни людей, ни дорог,
Мы на свет мишуры, мы на свет рукотворный
летели,
А нетварный огонь призывал нас с тобой на восток...

* * *

Мы от лжи и наветов устали,
Не жалею уже ни о ком,
Коротаю всю ночь на вокзале, —
Где простого народу битком.

И составы бегут ниоткуда,
И бегу, неизвестно куда,
А на сердце и горечь, и смута,
И безжалостных дней суета.

И гудят одичавшие ветры,
На платформе не видно ни зги...
Лишь огни, времена, километры
И безумные тонны тоски.

И молчат пассажиры в вагоне,
Неподвижен невидящий взгляд,
На часах, что висят на перроне,
Заржавевшие стрелки стоят...

* * *

Мы не оплакали вину —
Её с ухмылкой нам простили.
Мы подло предали войну,
В которой полстраны убили.

Убили в той войне не нас,
А тех, кто был честней и выше.
Тех, кто любил не напоказ
Россию, что теперь не дышит.

Тебе плевать... не страшен круг
Предательства и злого бреда?
А что ты скажешь сыну, друг,
Когда он спросит — кто же предал.

* * *

Когда чистейший будет падать снег, —
О, столько лет в мою он падал душу, —
Я буду слушать звонкий детский смех,
Вдыхая запах ёлочных игрушек.

И видеть героический полёт
Снежинок, гибнущих в огне преображенья,
Так тело в землю некогда падёт,
Чтоб стать иным, духовным в воскресенье.

* * *

Не бузить же каждый день —
Головой болеть и охать,
Чтобы снилась дребедень
Надоевшая с подвохом.

Не кричать, осилив страх,
Что в кремле засели крысы,
Что вот-вот наступит крах
Сионистской закулисы.

В лес с тобой пойдём с утра —
Что лежать весь день на койке —
И ни пуха, ни пера
Этой глупой перестройке.

Разольём по кружкам чай,
На двоих одна котлета,
Никому не отвечай,
Если спросят вдруг совета.

Хорошо в лесном краю,
Где живут под ёлкой звери.
И спокойно, как в раю,
А скажи кому — не верят...

* * *

Торопятся птицы в иные края —
Под самое облако взмыли...
Так где же вы, споров бессонных друзья,
О них вы уже позабыли.

Я помню о их — не забуду вовек,
Я с ними изведаль свободу, —
От страха меня исцелил человек,
Идущий по вспененным водам.

Я радуюсь каждому новому дню
И птичьему звонкому пенью.
Как воду живую, свободу храню,
Её разбавляя смирением.

Да разве увидишь, не вымерив дно,
Не раз захлебнувшись слезами,
Как сом под водой, где безумно темно,
Сердито шевелит усами.

Сверкаетверху, недоступно вольна,
Гудящая высь над водою,
Скользя меж камнями, сходит до дна
Луч солнечный острой иглою.

Вы будете истины камень дробить,
Познаете грубость породы,
Но даже и вам не удастся забыть
Великое чувство свободы.

* * *

Мы убиты давно, мы забыты давно —
Запустение и наглость кругом.
Крутят хронику прошлого века — кино
Чёрно-белое в зале пустом.

На экране мелькает сановников ряд,
Рядом царь в вицмундире своём,
Треплет ветер царицы белесую прядь,
Вот царевич — семейство втроём.

Генералы надменно топорщат усы
И таращат глаза на царя,
Все они благородны и в меру толсты,
Но вот царь доверяет им зря.

Все они предадут, расстреляют его
В том Ипатьевском доме пустом.
Ах, как близко к себе подпустил он врагов,
Ах, как близко погибель его.

* * *

Россия, что в муках сгорела,
Фантомною болью болит:
И снова кровавое дело
Затеял провластный бандит.

А боль поболит и отпустит,
И можно по жизни скользить
С улыбкой, вздыхая без грусти,
Правителям тайно дерзить.

Пожарский и Минин пропали,
Когда же наладится жизнь?
На празднике вот поплясали,
А утром пивком разжились.

А праздники по разнарядке:
Так было угодно властям —
Ну, что ж, что берут они взятки?
Зато вот наладились в храм...

* * *

Руки зябли, и холодно было,
Освещённая светом звезды,
По обочине кромкою стыла
Ледяная основа воды.

Проходили дорогой безлюдной —
Ветер ухал, скользила нога,
И прощались мы горестно, трудно,
Будто я уходил на века.

Я смотрел на огни, что дрожали
Вдалеке, и туманился след...
А в душе от великой печали
Разливался таинственный свет.

* * *

Нас записали всех в рабов —
Страстями души ослепили,
С согласия сёл и городов
«Врагов-вредителей» убили.

Кто смотрит в корень, тот не слаб,
Холопы топчутся на месте,
Все знают: не имеет раб
Ни прав, ни родины, ни чести.

Писали мы — мы не рабы,
А нам готовили гробы,
Потом крушили купала,
Потом сгорела Русь дотла.

И вот остались без страны,
Которой были мы нужны.
Мы тише вздоха и воды,
Мы ниже втопанной травы,

Мы тени не имеем днём,
Нам кажется, что мы живём...

* * *

Какая тьма на душу налетела —
Кочует в небе облачный корабль,
Косым дождём, колючим настом белым
Закатит скоро ветреный декабрь.

Его прихода ждали мы не даром,
Свою тревогу пряча до поры,
А он начнёт искать знакомых старых
И заметать сухой листвой дворы.

Потом уйдёт один в ночную слякоть
Искать основу зыбкую зимы...
И будет о минувших вьюгах плакать —
О том, о чём давно забыли мы.

Уймись декабрь, ты этот день запомни:
Надежды о спасении верни...
И вздрогнет тень небесная часовни,
И стихнет стон погубленной страны.

* * *

Эта боль, эти слёзы и смех,
Этот пламень, на ветке горящий,
Я люблю, обнимаю вас всех —
Уходящих во тьму, уходящих.

Я запутался в пагубе дней,
Но я знаю, что вы не забыли
Мириады крылатых огней,
Что над водами вечности плыли,

Не забыли бескрайнюю высь,
Опалённую солнечным зноем,
И, как миг, пролетевшую жизнь,
И, как мрак, одиночество злое.

Где вы будете, в дали какой,
Зачерпнувшие зелья земного?
Ветки сухонькой треск под ногой
Вам сгодится для дела какого?

Или, может, останетесь близь, —
Чтобы заревом огненным снится,
Возвещая грядущую жизнь
Звонкой трелью предутренней птицы...

* * *

писателям и поэтам

Вы кричите, погибла Россия,
А она, как живая, стоит:
Нет, её не оставил Мессия,
Он её охранитель и щит.

Ну а мы лишь букашки и мошки,
Мы приветствуем мэров своих,
А попросят — споем на гармошке
И расскажем торжественный стих.

С палачами согласны со всеми,
Абсолютно довольны во всём,
Если что, мы, товарищ, не в теме,
Попроси — про дубину споем.

И за это нас потчуют хреном,
Наливают в стаканы чай...
Что случится — не наша проблема,
Всё тип-топ... и поют соловьи.

* * *

Мы молчим и глядим друг на друга,
Между нами клокочет река,
И вовсе не прибыток, а убыль:
Разъезжаются доски моста.

И рука режет воздух, как лопасть,
Балансирую, чтоб, не упасть
Безвозвратно в бездонную пропасть,
Что оскалила чёрную пасть.

Только взгляд, только стиснуты зубы,
Как мгновенья, мелькают века...
Как нежны мы бываем и грубы,
Как безжалостна жизни река.

* * *

Слепят снежные хлопья.
Снегом выбелен рай.
Злое племя холопые
Захватило мой край.
В чёрном деле разрушить
Мы дошли до конца,
Испохабили души,
Разорили сердца.

И стоим в изумлении:
Неужели конец...
Злобно мечем камня
И краплёный свинец.
Мы забыли святыни,
Мы опухли от сна...
И над нами доныне
Первозданная тьма.

* * *

Я так устал влачить, мой друг,
По этой брэнной жизни тело,
Душа навеки улетела
В страну, где не бывает мук.

А я остался и томлюсь,
Вздыхаю над больной страпою,
Но говорят, там тоже Русь,
И я лишь одного боюсь,
Что той святой я недостоин.

* * *

Всё равно — нищета ли, позор,
Всё, что дорого было, забыли...
Мародёры бегут за бугор,
Ну а нам выживать — или-или.

Всё вокруг не твоё, не моё,
Ну а чьё — мы не ведаем даже,
Свято верим в любое враньё,
Что нам власть всенародная скажет.

Этой власти звериный оскал
Мы увидим ещё в одночасье.
В королевстве разбитых зеркал
Прописалось клеймёное счастье.

Телевизор опять нам соврёт.
Всех достойных извёл ещё горец.
И бичует, бичует, как скот,
Нас жестокий народ-богоборец.

* * *

Нам страшно было жить без Бога,
Теперь они куют бабло —
На нас вожди смотрели строго
Через портретное стекло.

И из глубин подложных мира
Звучал чуть свет железный гимн,
Мы свято верили кумирам
И приносили жертвы им.

Теперь иной правитель в раме,
Ничто не ново на земле —
И хладный в золочёном храме
Ждёт крови жертвенник во мгле.

* * *

посвящение школе

Есть душа у цветов или нет,
Есть душа или нет у природы,
Я ходил на лукавых совет —
Все они упыри и уроды.

Я был мал, шёл один на огни,
Сберегая надежду и душу.
Научили безбожию они —
Век бы этой науки не слушать.

Говорили, что Господа нет,
А душа лишь пустая забава —
Что им вечное имя и свет...
Что Его воскресенье и слава.

В этой школе и мел, и доска,
Истопник с кочергою железной...
И такая в окошках тоска,
И такая отчаянья бездна.

* * *

посвящение новым временам

Затоскует душа, глядя в неба проём,
Загорится над миром звезда,
Мы последние люди, мы скоро уйдём,
Граждан гордых нахлынет орда.

Палачей и предателей явится рать —
Будут первыми в деле любом...
Ну, к примеру, возьмутся людей убивать —
Им тогда будет всё нипочём.

* * *

Мы играли с тобою в лапту
На проталинах мокрых и липких —
Нужно в мячик попасть на лету —
У прохожих на лицах улыбки.

Всё я делаю в жизни не так,
Увлечённый забавной игрою, —
Говорят, что я полный дурак,
Что хочу помириться с тобою.

* * *

Трубит беду воронья стая,
Русь задыхается в чаду.
Где скрылась ты, страна святая,
Готова ль к Страшному суду?

Пусть в горнице твоей нечисто
И паутина на углах,
Но тот же свет в глазах лучится,
Любовь в улыбке на устах.

Пусть впереди твоя голгофа,
И пусть дурачат твой народ.
Тебя минует катастрофа:
Твой горний Сын тебя спасёт.

* * *

Гряди по мне!
Мне страшно в этом мире,
Душа моя истаяла, как дым:
Такая боль в земной витает шири —
Гряди по мне!
По словесам Моим.

Но я боюсь вступить в огонь и хляби,
Но я боюсь нарваться на ножи,
Веди меня, Христос, смирения ради,
И путь спасенья верный покажи.

Мы все убийцы подлые и воры,
Кого боимся — только лишь себя...
Гряди по Мне!
Во Мне любви просторы,
Со Мною будь, и Я спасу тебя.

Гряди по мне и ужаса не ведай,
Всех ближних и противников любя...
Я плоть отдал свою под видом хлеба —
Я кровью крестной искупил тебя.

* * *

Ты не верь, что Россия умрёт,
Даже если мы все умираем,
Выбирает великий народ
Целый век между адом и раем.

Над бедою России не плачь,
Пусть в душе её много обиды...
Ты не думай, что это палач:
Он таким притворился для вида.

Говорит, можно жить без Христа,
Обойтись без небесного града.
Скажет он, сосчитайте до ста —
Получите копейку в награду.

Хочет, чтобы запутались мы,
Чтоб Россия пред Богом упала...
Палачи — это злые вруны,
А сгубили народу немало.

* * *

Там, на краю вселенной,
Зелёный сад шумит,
И дерево познания
Добра и зла стоит.

Там, на краю вселенной,
В раю Адам живёт,
Он потому нетленный —
Не ел запретный плод.

А Ева очень просто
Со змеем говорит,
Се малая загвоздка
большой бедой грозит.

Плода бы ты не ела
И чистою была.
Зачем ты захотела
Вступить в пучину зла?

Теперь нам не отмыться
От этого дерьма,
Осталось лишь молиться —
С темна и до темна.

* * *

Теперь одна иди молиться Богу:
Довольно мне — живи в стране любой.
Рыдаешь ты, и в сердце безнадёга —
Когда ты молишься, мне страшно быть с тобой.

От слов твоих и я невольно плачу —
О тех иных и о себе самом,
О родине моей, а как иначе —
Взываешь ты о грешнике одном.

О ком ты молишься, кому ты сострадаешь,
Смиренным словом побеждая страх?
О ближних и о тех, кого не знаешь,
О мёртвых и живых, о братьях и врагах.

Когда ты молишься, и мне не одиноко,
В сухое сердце падает слеза.
Ухода нашего такая близость срока...
Такая боль, что выразить нельзя.

* * *

Зачем я жил, чтоб умереть,
Зачем я жил, чтоб возродиться,
И если врал — не буду впредь...
И вот — я всматриваюсь в лица,

Чтоб в них прочесть судьбу свою,
И вижу в них и суд, и милость...
У бездны стоя на краю,
Хочу, чтоб время мира длилось.

* * *

И этот звук один — он будет длиться
Короткий миг, а может быть, века...
И промелькнут мне дорогие лица,
И грянет гул глухой товарняка.

Люблю вокзал и эти лица, лица...
Мне не забыть, спешащие — куда?
Мы все уйдём, а век всё будет длиться —
И слушать гул глухой товарняка.

И чей-то смех, и плач мне будет сниться —
В рукопожатье задрожит рука,
И в вечности всё это повторится —
Я вновь услышу гул товарняка.

И вспыхнет вдруг подобие экрана,
На нём вся жизнь промчится, как река...
Но и когда сорву рычаг стоп-крана,
Не смолкнет этот гул товарняка.

Амфитеатр

Среди амфитеатра пыльных плит—
Я слышу голоса, взыскующие милость,
И сердце, вдруг очнувшись, заболит:
На родину оно как будто возвратилось.

Толпа туристов, пыль веков,
Друг друга фоткают на фоне исполина,
Но слышу ропот я озлобленных рабов
И вижу взгляд надменный господина.

И Рим гудит, и жаждет крови Рим,
Великий воин и хранитель права,
О! Если б знал, что будет вскоре с ним,
Кем будет попрана его земная слава.

* * *

Тёмной послана силой
В этот мир ты ко мне.
Ты безумно красива
В летаргическом сне.

Разбудить не посмею:
Ты почувствуешь ложь
И комету Галлея
В наказание пошлѐшь.

И земля загорится,
И сгорит до основ —
Ты восстанешь царицей
Из мистических снов.

* * *

И ты, и я,
Мы будем долго падать
В немую тьму
Без голосов и лиц,
Где нет дождей, снегов
И листопадов,
Ни плеска волн, ни зарева зарниц.

Мы будем скованы
Неведомою новью,
И всё былое превратится в прах...
И лишь любовь останется любовью —
С неизъяснимой тайной на устах.

* * *

Не знали мы ни родины, ни Бога,
Растили нас, о будущем трубя,
Но прорвалась иудина утроба,
И рухнул колосс, раздавив себя.

И повела нас в прошлое дорога,
Назад в свой дом, отчаянье суля,
И я увидел родину и Бога,
И жизнь, и смерть, и ужаснулся я.

* * *

Заката золотой окурок
Заброшен ночью в злую даль,
Смешно звучали каламбуры,
А мне артистов было жаль.

Что их досужие забавы,
Когда мы на углях стоим
Сгоревшей до основ державы,
Слепит обмана страшный дым...

Они смеются, словно дети,
На их глазах сгорел их дом.
Кто может слушать шутки эти?
И морок огненный кругом...

* * *

Пусть сердце бедное молчит:
Оно не знает мира сути.
Оно на целый свет ворчит,
В котором проживают люди.

Не будем говорить о них:
Все ангелы знакомы с ними,
Мы знаем их от сих до сих,
Они нам кажутся чужими.

Но если вникнуть в суть вещей
И поразмыслить о высоком,
Мы будем плакать много дней
О мире грубом и жестоком.

* * *

Когда мой ум — земли жилец неверный —
Вообразит себя вершителем судеб,
Не отличая святости от скверны,
Где здравых мыслей он отыщет хлеб?

Пройдут года, но радость не настанет,
Скользя по яви смутной, как во сне,
И жизнь, и смерть — всё рядом, всё на грани,
Где буду я в том не вечернем дне.

...я в храм иду свои грехи оплакать
И вижу в глубине мерцающих икон
Нетварный мир таинственного мрака
И зыбкий свет растаявших времён.

* * *

Все земные кончаются сроки —
Крылья ветра гудят в синеве.
Всех счастливых повадки жестоки —
Ты поплачешь ещё обо мне.

Знаю, мало я доброго сделал,
Никого я от смерти не спас,
На снегах, на искрящихся белых
Ликом выткался огненный Спас.

И душа встрепелась, запела,
Вопрошая о Боге своём,
Позабыв, как рыдала над телом,
Ограждаясь от смерти крылом.

* * *

Весёлый шум стоит с утра,
Туманные синеют горы,
И тонкий отсвет серебра
Лёг на бескрайние просторы.

И хочется в который раз
Земные дни прожить сначала
И вспомнить тот прощальный час,
И сумрак дымного вокзала.

И навсегда умчаться вдаль
На поездах и самолётах,
А если вдруг пронзит печаль —
Ты обернись до поворота...

* * *

Снова осень крадётся по следу
И таится, как раненный зверь.
Я приеду, я скоро приеду
И войду в затворённую дверь.

Расскажу, как я жил за огнями,
За холодною кромкой небес,
Когда бездна легла между нами
И запел заколдованный лес.

Что я значу, оставленный всеми,
Что я значу, покинувший всех,
Я не в теме, ребята, не в теме...
Я забыл ваш раскатистый смех.

И стою посреди мироздания,
Неухоженный, будто во сне...
В этот час рокового прощанья
И тревожно, и радостно мне...

* * *

Сейчас я выгляжу добрей,
А раньше был намного строже,
И отзвуки далёких дней,
Нахлынув, стали мне дороже.

Люблю иное я теперь —
В чужие всматриваюсь лица.
В твой дом я закрываю дверь:
В него уже не возвратиться.

Там всё ещё заря бежит
И разрезает кромку лета...
И лист осиновый дрожит,
И конь копытом бьёт при этом...

И бытия струится нить,
До боли стискивая зубы,
Мне хочется весь мир любить,
В котором всё светло... и грубо.

* * *

Такая теплота бывает в мае:
Зелёный лист проклюнулся уже,
Не верится: такого не бывает,
Что б было так безоблачно в душе.

Не может быть, что б счастье не вернулось,
Не может быть, что б жизнь прошла, как дым,
Нет, не прошла — умаявшись, уснула —
Моя душа всего на миг один.

И этот миг, длиною в жизнь, промчался —
Бессмысленно, нелепо, в никуда,
Как будто бы над нами посмеялся
Весенний день, текущий, как вода...

* * *

Я когда-то был молод и глуп
И плохие писал стихи,
Золотой себе вставил зуб,
И слова мои стали глухи.

Городил несусветный вздор,
Под гитару когда-то пел,
К сожалению, до сих пор,
Как ни бился, не поумнел.

Поругался с тобою в дым,
Помириться давно пора...
Я сверкаю на всех золотым
Зубом, вставленным мной вчера.

Я в долги нерасчётливо влез,
А ведь ты же была права:
Я безумно богат, как Крез,
В серебре моя голова...

Я готов на поступок любой...
В рай нельзя: не пускают грехи.
Я когда-то был счастлив с тобой —
И плохие писал стихи...

* * *

Этот город, таинственный город,
Поделённый судьбой на дворы,
Был мне лиственным трепетом дорог,
Звонким гомоном детворы.

По его проходил я пределам,
Неприкаян, болезненно слеп...
Где бы ни был я, что бы ни делал —
Он был нужен, как воздух и хлеб.

В этом городе был я в ударе,
Много видел в нём тёмных углов,
Сколько дней я пустых разбазарил,
Сколько бросил безжалостных слов.

И душе становилось пустынно,
Но, старинную дружбу храня,
Шёл к нему я, как к другу, с повинной,
И выслушивал город меня.

Ни упрёков, ни лишнего шума:
Он прощал согрешения мне...
Навеая о вечности думу
На скамейке в ночной тишине.

Он потом отдалился с годами,
Становясь постепенно иным,
И уплыл от меня миражами
И мечтами, и раем земным...

Содержание

<i>Александр Громов. От среды до воскресенья</i>	3
Стриж	6
Золотой листопад	7
В потоках светлых	8
Автопортрет	9
Прощание всерьёз	10
Твоё дыхание	11
Гость	12
Встреча	13
Волшебная свирель зимы	14
«В глазах сверкает жизни влага...»	16
«Я звезде роковой служу...»	17
«Люблю в вечерний час отлёта...»	18
«Листьев трогает кайму...»	19
Не уходи	20
«В шёпоте осени...»	21
Письмена	22
И жить в лесу	23
«Природы ветреная сила...»	24
«Плен миражей — мучительная тягость...»	25
«Меня знобит — и ветер злей и злей...»	26
Небытие	27
Слово	28
Возвращение	29
Где же край у земли?	30
«Всего лишь был ветер...»	31
Апостолы	32
Земная любовь	33
Язык дождей	34
«Меня судьба кнутом хлестала...»	35

«Затихает к вечеру ненастье!..»	36
Баллада о времени.....	37
Ночной перрон	40
«И если ты уйдёшь теперь...»	41
В стране, где дождь звенит.....	42
Предзимье	43
Старинное вино	44
Всё прочее — мелочь.....	45
Предчувствие.....	46
В саду	47
Снова вспомнится мне.....	48
«Ты однажды забудешь меня...»	49
Рюкзак	50
Кулунда	51
«Вот и осень пришла...»	52
«Прозрачной бездны лёгкие наряды...»	54
Попутная.....	55
«Мне жаль сгоревших звёзд...».....	56
«Шумит вода по трубам водостока...»	58
Грустная повесть	59
«Мучительной знобящей дрожью...»	60
«Скажи, когда всё это было...».....	61
«Ты Тот, кому кричат седые журавли...».....	62
«И ель, и огненное зарево...»	63
«Искры ввысь от костра летели...».....	64
«От себя не уйти никуда...».....	65
«Я был пылающим огнём...».....	66
«Удушливый ветер и зной...»	67
«Дешёвого выпьет вина...».....	68
«Закружилась шальная метель...».....	69
«Синий мяч и взлетающий змей...».....	70
«В моём тихом жилище...»	71
«Пели песни, от грусти немея...».....	72
«Выспрашиваю у соседа...»	73
Музыка	74
«Деревья и воздушны, и легки...».....	75

Поэт	76
«Гора щепы берёзовой, чурбак...»	77
Гармонист	78
Белая сирень	79
«Синий сумрак, подтаявший снег...»	80
«По обочинам шумных дорог...»	81
Тяжёлый разговор	82
«Хлеб насущный, да это ли важно...»	84
«В этой туче нахмуренной — снег...»	85
«Лебеда и полынь...»	86
Обезглавленный храм	88
«Древний мир затерялся в жнивье...»	89
«Я заскучал по сельскому жилищу...»	90
Журавлиный плёс	91
«Премудрости самой...»	92
В родниковом краю	93
«Как слепые, бредём наугад...»	94
«Я смотрю на разбитые стены...»	95
«Слышу издали звон колокольный...»	96
«Ты Россию с древних лет...»	97
Весть	98
«Там, во дворе, где запах миндаля...»	99
«Небесных сил священная охрана...»	100
«Всё отдали — и дом, и домовых...»	101
«Иду по листьям сентября...»	102
«Ну, вот и стали мы взрослей...»	103
«Жёлтых листьев знобящая дрожь...»	104
«Зачем я так спешил...»	105
«Слыла хлебосольной державой...»	106
«Моя душа на привязи живёт...»	107
«И всё же жизнь берёт свое...»	108
«Соберу пожитки я свои...»	109
«Когда мой сад зашевелит крылами...»	110
«Ты подарил мне пробуждения миг...»	111
«Ну, подумаешь, сбили кресты...»	112
«Давай не будем горевать...»	113

«То, что было, что есть, и что будет...»	114
«В кругу друзей, в минуты озарения...»	115
«Казалось, время будет длиться вечно...»	116
«Я похож стал на зверя лесного...»	117
«Смирняя родовую прыть...»	118
Великая Суббота	119
«Во дворе в этот час ни души...»	120
«Злодей Нерон великим был актёром...»	121
«Скажи мне, что любовь такое...»	122
«Преодолев глухую тяжесть плоти...»	123
«Расходилась пурга — сквозняки заструились под дверью...»	124
«Это жёлтое пламя ветвей...»	125
«Мне тебя не узнать...»	126
«И дождь оплакивает сад...»	127
«Кому кричу, восстав над чёрной далью...»	128
Ответ.....	129
«Я, может быть, умер уже...»	130
«И если схлынет суета...»	131
«И звенят, и шумят, и поют...»	132
«Земля остывает к зиме...»	133
«Ты сотворил земную твердь...»	134
«Вот и время пришло мне откусать печали-тревоги...»	136
«Мы все умрём: таков закон природы...»	137
«Но тайна есть, она укрыта в Боге...»	138
«Что ни день, то праздник...»	139
«Вьётся снежная мгла за окном...»	140
«И день звенит...»	141
«Какие дни стоят теперь...»	142
«На мрачных обломках империи...»	143
«Снегопад, снегопад, ты мои заметаешь печали...»	144
«Мы от лжи и наветов устали...»	146
«Мы не оплакали вину...»	147
«Когда чистейший будет падать снег...»	148
«Не бузить же каждый день...»	149
«Торопятся птицы в иные края...»	150

«Мы убиты давно, мы забыты давно...»	151
«Россия, что в муках сгорела...»	152
«Руки зябли и холодно было...»	153
«Нас записали всех в рабов...»	154
«Какая тьма на душу налетела...»	155
«Эта боль, эти слёзы и смех...»	156
«Вы кричите, погибла Россия...»	157
«Мы молчим и глядим друг на друга...»	158
«Спят снежные хлопья...»	159
«Я так устал влачить, мой друг...»	160
«Всё равно — нищета ли, позор...»	161
«Нам страшно было жить без Бога...»	162
«Есть душа у цветов или нет...»	163
«Затоскует душа, глядя в неба проём...»	164
«Мы играли с тобою в лапу...»	165
«Трубит беду воронья стая...»	166
«Гряди по мне!...»	167
«Ты не верь, что Россия умрёт...»	168
«Там, на краю вселенной...»	169
«Теперь одна иди молиться Богу...»	170
«Зачем я жил, чтоб умереть...»	171
«И этот звук один — он будет длиться...»	172
Амфитеатр	173
«Тёмной послана силой...»	174
«И ты и я...»	175
«Не знали мы ни родины, ни Бога...»	176
«Заката золотой окурок...»	177
«Пусть сердце бедное молчит...»	178
«Когда мой ум — земли жилец неверный...»	179
«Все земные кончаются сроки...»	180
«Весёлый шум стоит с утра...»	181
«Снова осень крадётся по следу...»	182
«Сейчас я выгляжу добрей...»	183
«Такая теплота бывает в мае...»	184
«Я когда-то был молод и глуп...»	185
«Этот город, таинственный город...»	186

Литературно-художественное издание

Юрий Александрович Сизов

АВТОПОРТРЕТ

Стихи

Компьютерная вёрстка — *Александр Громов*

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01; www.litsamara.com

Подписано в печать 12.01.2021. Формат издания 70х100/₃₂.

Объём 7,80 печ.л. Georgia. Бумага мелованная.

Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии АМИРИТ,

г. Саратов, ул. Чернышевского, 88У, тел.: +7-8452-24-85-33.